

27 ЮН 1970
✓

НАМЧАТСКАЯ ПРАВДА
г. ПЕТРОПАВЛОВСК

Андрянов Владимир Павлович, русский советский актер и режиссер. Народный артист РСФСР.
С 1935 года — актер Камчатского облдрамтеатра.
Андрянов создал образ В. И. Ленина в спектаклях «Кремлевские куранты», «Третья патетическая» (Погодина...)
(Театральная энциклопедия).

ПОД нами темно-зеленая камчатская тундра. Ни селения, ни одинокой юрты пастуха или охотника, ни дыма не видно вокруг. Над нами низкое небо. Тучи закрывают вершины гор. Древняя северная земля. Наверно, здесь можно найти места, где еще не ступала нога человека.

А между тем где-то здесь, как сто и двести и триста лет назад, движутся в сторону Берингова моря олени табуны. Придут олени на берег, попьют морской воды, омоют копыта в прибое, и вновь повернут в глубь пустынного материка.

Наша агитбригада летит к пастухам. Мы будем проводить с ними беседы о жизни и деятельности Владимира Ильича, рассказывать о каких успехах добилась Камчатка к 100-летию со дня рождения вождя. Потом будет концерт художественной самодеятельности, и в гостевом программ — инсценировки из пьес о Владимире Ильиче. Роль Ленина будет исполнять Владимир Павлович Андрянов.

Вон он сидит у самого первого иллюминатора. Широкоплечий, лысый, Рыжоватый. Прищурив глаза, оглядывает тундру. За тридцать с лишним лет он немало поколесил по Камчатке. Но так далеко судьба еще не забрасывала его. В тундре он еще не был. И зрителя, который никогда не был в театре, встречать ему не приходилось, зрителя — настоящего северного человека, вся жизнь которого проходит на этих оленьих маршрутах длиной в тысячи километров: пока дойдет от моря в глубь материка, к Чукотке, кончится зима, повернет обратно, дойдет до моря — и уж опять зимние белые мухи кружатся в воздухе, а снега, оставшиеся летом лишь на вершинах, вновь забелеют у подножия сопков.

Из пилотской кабины вышел молодой летчик, прокричал что-то на ухо Андрянову. Тот закивал головой, раскрыв чемоданчик с гримом. Значит, приближаемся.

Летчик прошел в хвостовую часть салона. Начал вращать ящики, рассматривая надписи. Это продукты в бригады — чай, сахар, галеты, гущенка, папирсы... Это — письма, килы газет и журналов. — Как было не воспользоваться okazji?

Вертолет — тундра. У дверей лопата, лом, топор. Да. Собраться, летать, где-нибудь около Москвы или Киева, этого не требуется.

Табуны оленей показались внезапно, словно вдруг вырос из земли. Над зеленой закатавшейся лес — бесчисленные ветвистые рога. В стороне — красноватый костер и две белых палатки. И возле них — люди в коричневых меховых куртках приветственно размахивают малехаями.

Летчики и оленеводы — старые знакомые. Командир вертолета почтительно пожимает руку невысокому сухощавому старику, подтанутому, строгому. Старик подводит к нам. Протягивает каждому твердую маленькую руку, произносит негромким тонким голосом: — Киев, оленеводы...

Летчики и оленеводы — старые знакомые. Командир вертолета почтительно пожимает руку невысокому сухощавому старику, подтанутому, строгому. Старик подводит к нам. Протягивает каждому твердую маленькую руку, произносит негромким тонким голосом: — Киев, оленеводы...

Летчики и оленеводы — старые знакомые. Командир вертолета почтительно пожимает руку невысокому сухощавому старику, подтанутому, строгому. Старик подводит к нам. Протягивает каждому твердую маленькую руку, произносит негромким тонким голосом: — Киев, оленеводы...

Летчики и оленеводы — старые знакомые. Командир вертолета почтительно пожимает руку невысокому сухощавому старику, подтанутому, строгому. Старик подводит к нам. Протягивает каждому твердую маленькую руку, произносит негромким тонким голосом: — Киев, оленеводы...

Летчики и оленеводы — старые знакомые. Командир вертолета почтительно пожимает руку невысокому сухощавому старику, подтанутому, строгому. Старик подводит к нам. Протягивает каждому твердую маленькую руку, произносит негромким тонким голосом: — Киев, оленеводы...

Летчики и оленеводы — старые знакомые. Командир вертолета почтительно пожимает руку невысокому сухощавому старику, подтанутому, строгому. Старик подводит к нам. Протягивает каждому твердую маленькую руку, произносит негромким тонким голосом: — Киев, оленеводы...

Летчики и оленеводы — старые знакомые. Командир вертолета почтительно пожимает руку невысокому сухощавому старику, подтанутому, строгому. Старик подводит к нам. Протягивает каждому твердую маленькую руку, произносит негромким тонким голосом: — Киев, оленеводы...

Летчики и оленеводы — старые знакомые. Командир вертолета почтительно пожимает руку невысокому сухощавому старику, подтанутому, строгому. Старик подводит к нам. Протягивает каждому твердую маленькую руку, произносит негромким тонким голосом: — Киев, оленеводы...

Пастухи не аплодировали, того были поражены удивленным. А когда Андрянов разглагольствовал в вертолете и вновь подошел к костру, где нас угощают чаем, то женщина, готовящая еду для бригады, мамушка, как называли от возраста зовут таких в тундре, подошла к вертолету и недоверчиво заглянула внутрь. Ей все не верилось, что Ленин и этот вот унылый коренастый дядька в кепке, надвинутой на самые уши, одно и то же лицо.

Мы побывали еще в одной бригаде. Когда вдали показались горстка огня, честное слово, стало как-то теплей. Глажу, заулыбались парни, и Владимир Павлович оживился, растормошил задравшего иностранного писателя и показал на село, которое стремительно выросло навстречу...

Прилетели. Определили нас в пустую школу. И неловко как-то стало терять даром время. Конечно, мы могли, мы имели право отдохнуть. Но завтра прилетит вертолет, а успеем ли мы выступить? Если будем выступать, потеряем два часа, они нам в тундре будут нужны. Да и люди далеко не все смогут прийти — работа. Но ведь Владимир Павлович устал. Вон, как прилег бочком на койку, так и не шевелится.

— Ну, что, орлы? — встрепенулся Андрянов. — Объявлять? — и не дожидаясь ответа, продолжил скороговоркой. — Думаю, проведем репетицию, поужинаем и — в клуб. Хотя нет. Пужинаем после...

И вот он сосредоточенно начал мерить комнату по диагонали. А мы быстренько убрали рюкзаки, отодвинули к стенке кровати, притащили из соседнего класса стол и стул.

В темной шерстяной рубашке с расстегнутым воротом он сел на пол и ходил. Потом поднял голову и вдруг другой походкой, стремительной, засунув левую руку в карман, подошел к столу, возле которого был человек в кожанке. Репетиция началась.

Репетировали инсценировку из пьесы В. Раздольского «Выюга». И человек в кожанке — режиссер местного ТЮЗа Женя Егоров — должен был, по пьесе, изображать Свердлов. А Василий Дмитриевич Гусев — троцкист Струмильский.

Свердлов хлопает ладонью по столу.

— Два потока донесений, которые стеклись на моем столе: позор отступления и февральский лютый фразы!.. Вот заявление самого Крыленко: «Я принял телеграмму Троцкого о демобилизации за безоговорочную директиву... Армия добита».

Ленин стремительно движется — три шага в одну сторону, три — обратно. Он возмущен, он вскрипает.

— Партия, совершившая величайшую революцию, делая упор на слове «величайшая», воскликает Ленин, — гибнет от фразы. Да-да, это духовный паралич, это конец! Худшие мои опасения подтвердились. Разрыв между словами и делом обернулся предательством и преступлением!

Его перебивает Струмильский: — Владимир Ильич, я просил бы вас...

Ленин гневно ожог его взглядом.

— Довольно! Ни слова больше! Говорят, я был излишне резок в полемике. Оказывается, я был преступно мягок. Ни минуты ни секунды промедления!

Струмильский, перебивая: — Что вы предлагаете?

— Немедленная телеграмма германцам. «Принимаем любые условия мира. Подпишем, не читая».

И повеяло холодом тревоги. России нужен мир любой ценой, чтобы не истечь кровью. Ленинская политика на заключение мира встречает яростное сопротивление эсеров и «левых коммунистов», они — за продолжение войны. Но если б только они. И среди большевиков, бесконечно проданных революцией, партии, Ленину, есть такие, кто не может понять глубины мысли вождя. Любимый услavia — это в их глазах отступление, они готовы грудью, ценой собственной жизни заслужить дорожку врагу. И Ленин понимает это. Но ему надо, чтоб и

они поняли, что спасение — только в мире, народу нужен мир, чтоб победить голод и холод, чтоб набраться сил...

И я (в который раз!) увидел Ленина. Да. Без грима. Без ленинского костюма, без галстука, но это был Ленин, с его характерными жестами. И речь напряженная, страстная, гассирующая, чуть глуховатая, как у всех, кому приходится часто выступать перед большой аудиторией — его речь. И прищур глаз. И сами глаза — внимательные, быстрые, все понимающие. Вот оно, чудо искусства. И через час это увидишь не только я, не только те, кто сейчас рядом...

Вот Ленин спрашивает: — А как с картофелем? Эшелоны прибыли?

Мне надо отвечать. Ребята машут руками, дескать, входи, быстрей. И глаза Андрянова и уже не Андрянова, требовательно глядят на меня. Я довольно сносно

он кончал режиссерское отделение!

— Не много ли пожаров, Владимир Павлович? — спрашиваю я.

— Это еще не все. — живо откликнулся Андрянов. — Помню в войну играем мы в воскресенье днем. Вдруг полголоса: «Пожар, пожар». Смотрим, задвигались, засуетился театр, люди повалились из зала. Но дымом не тянет. Играем. Потом кто-то крикнул из-за кулис:

— Может, перерывчик устроите? Там, между прочим, ваш бабуня пылает...

Ну кинулись мы, прямо в костюмах, в гриме. Я впереди всех лечу.

Подбегает, а меня не пускают. Кричат — шпин (я играл японского офицера). Хватают за руки, в миллион вестей собираются. Я вырываюсь. А тут еще пожарные поддают. Шлангами, да в

ливал на себя. Он не умел картать, но крутился и крутился магнитофон с записью ленинского голоса. Он был полноватый для этой роли. Пришлось серьезно заняться физкультурой.

Надо было добиться хотя бы внешнего сходства, добиться, чтоб театр взялся за спектакль о Ленине.

И вот первые пробы, и первый сторонник, поверивший в Андрянова — режиссер Дроздов. Было сообщено, что театр к 40 годовщине Октября готовит «Кремлевские куранты».

Шла осень 1957 года. Приближалась премьера «Кремлевских курантов». И чего греха таить, многие не верили, что Андрянов сможет сыграть Ленина. Лишь избранным в актерском мире по плечу эта роль...

Помощи было мало. Не было людей рядом, которые бы видели Ленина. Спектаклей, в которых ведущие актеры играют роль

сыграть Ленина, показать сложность эпохи и его величие — величие борца, но и раскрыть зрительно Ленина — человека, увлеченного, заставить подражать ему в своих делах, в жизни.

Нам надо в бухту Наталии. Она в ста с небольшим километрах от нас. Но мы сидим в маленьком, на полсотню домиков, селении Ачайея, и загораем в прямом и переносном смысле.

Вертолет почти без горячего. Ждем, когда его подвезут, а когда подвезут — неизвестно. Там, откуда должны привезти нет погоды. На обочине летного поля стоят несколько бочек с бензином. Но геологи — это их бензин — не хотят делиться.

— А, пошли вы! — отрезает начальник партии, бородастый пареня в очках, типичный бродяга-романтик. — Я этот бензин еле выколотил. Мне надо облет район делать. Вывозить отряды, образцы.

Напрасно мы клялись, что может, завтра же бензин вернут ему, говорили о важности нашей поездки.

Андрянов захандрил. Вот уж в который раз достает колбочку с какими-то белыми таблетками. Я вижу, как тяжело переживает он вынужденное безделье.

— Время-то какое пропадает! — восклицает он и опять лезет за таблетками.

— От волнения. Мне волноваться вредно, — отвечает он на мой вопрос.

— Но ведь на сцене...

Андрянов сердито перебивает меня:

— Там — другое дело, там и напряжение, и волнение творческие, с ними легко и приятно.

Я вспомнил, как несколько лет назад, после успеха спектакля «Между ливнями», за Андрянова принимались врачи. Сердце не выдержало напряжения, начало предательски сдавать.

— Ничего. Поправили, — говорит раздумчиво Андрянов. — Физкультурой поправили, не таблетками. Зато — если бы ты знал, какие чувства переживает актер, когда трудный спектакль сыгран, сыгран хорошо...

А спектакль по пьесе Штейна «Между ливнями» был, наверно, самым трудным из всех, выпавших Андрянову на долгом актерском веку.

В драме «Между ливнями» из одиннадцати картин — две называют «Ленин». Это сцены-монологи, размышления Ленина о судьбе России, о голодном горе, о борьбе с контрреволюцией. Андрянову надо было одному держаться в напряжении зал в течение двух сцен.

Третий год революции. Голод. Ломтик хлеба на тарелке — обеденная порция Ильича.

Хлеб — основная мысль первого монолога Ленина. И тут же он думает еще о тысяче больших и малых дел, одинаково важных для революции. Что комиссар Поздешев? Добрался ли до Кронштадта? Выступал ли на заводе Калинин? Почему долго не возвращается? И эта фраза «Пушкин дремлет, смотрят на Петербург» — не дает ему покоя...

Монолог во втором действии построен на ассоциациях. Ленину надо уснуть. Завтра тяжелый день. Он считает вслух и пытается думать о пустяках, только о пустяках. Но не думать о главном — о революции, о хлебе — не может.

Лучше всего думать об охоте. «Лисицу ловить надо архисторожно, Троцкий назвал меня архисторожно...». Да. Архисторожно, когда речь идет о судьбе партии, о судьбе революции.

Снова о пустяках. «Охота на куропатки? Большие куропатки на белом снегу...». Мимикрия. А если черные? Как на лед выйти матросам в больших шинелях? Покройте их простынями. Простыни одолжить у буржуазии до лучших времен». И снова мысли о Кронштадте. Лед тонкий. Выдержит ли? И Андрянов просто, естественно, провел эти сцены. Зал еще до появления артиста успевал до появления артиста успевал до появления артиста успевал...

И вот как-то заметил я в себе, что мне не все равно, предложим, есть ли клуб у молодых строителей, которые выбрали меня депутатом, или нет клуба. Открыли ли вовремя после ремонта дтсда или не открыли? И я начинал требовать как депутат. Конечно, примеры — маленькие. Но может быть, вот с этого актуального действия для общества и начинается то, к чему звал людей Ленин?

И вот в связи с этим, как бы поточнее выразить свою мысль... Ну, понимаешь, мне не только, в конечном итоге, хочется хорошо

— Так и быть, дам бензин... Мы кинулись благодарить его. Он махнул рукой.

— Без эмоций, пожалуйста, что мы — не понимаем, что к чему? — и ушел, переваливаясь, к своим бочкам, куда уже спешили, обогнав его, наши вертолетчики.

Владимир Павлович повеселел. — Самые радостные минуты у меня, когда вижу, как искусство помогает влиять на людей, — говорит он. — Я уверен, что этот пареня — он кивнул на геолога, который заглохло сознание того, что подчас надо пожертвовать интересами своего дела во имя дела других... — Он помолчал. — Это что... А вот год назад мы на одном краболове в Охотском море были. Рабочие — со всей страны — сезонники, вербованными себя называли. Люди временные на корабле все им ничем.

Давали им «Кремлевские куранты». И когда кремлевские часы заиграли «Интернационал», и Ленин произнес, обращаясь к зрителям: «Слышите? Они отбивают новое время!», зал встал. А через несколько дней на берегу к нам пришел помполит и сказал, что мы здорово помогли ему в воспитательной работе, что люди поняли, они не просто на сезон приехали, а делают важное и нужное стране дело. И как-то даже дисциплина поднялась.

В бухте Наталии, на узкой полоске суши, отгороженной высокими темными горами, пылали костры. Пастухи и рабочие забойного цеха у этих костров пили чай, отдыхали после тяжелого дня.

Мы хотели выступить в столовой. Но очень скоро стало ясно, что она не вместит всех. А кому хотелось оставаться у костра? Решили выступить перед столовой. На крыше укрепили несколько лампочек — столовая освещалась электричеством. На улице было холодно. С моря дул влажный ветер. Владимир Павлович в одном пиджаке продор в первую же минуту. Но надо было играть...

Когда мы согревались после выступления, пили чай и ели горячее мясо, в столовую зашел старый знакомый оленевод Кияв.

Мы пригласили его поужинать. — Разве это чай? — сказал он, отхлебнув из кружки. — Пойдемте к моему огню. Будем чай рулить (чай пить).

У костра, после того, как был выпит чай и отдана дань разговорам о погоде, старый Кияв подсел поближе к Андрянову.

— Владимир Павлович, — сказал он. — Нас хотят обмануть.

— Как — обмануть? Кто?

— Соседний совхоз должен сдавать оленей познее нас. Но зоотехник сказал, что в его табунах болезнь — копытка, и телеграмму директора показал. А тот велит, если не поймут без очереди, уволить табун.

— Ну, а ваш главный начальник что же? Он же может разобраться...

Кияв махнул рукой.

— Забрался. Поверил...

Я видел, как Владимир Павлович заковывался.

— Как же? Надо же проводить...

И вот в поздний час он идет к самому главному на заборе оленей — заместителю начальника Коряковского сельхозуправления. О чем они говорили, не знаю, но бригада Киява стала сдавать своих оленей раньше.

Мы пробыли в бухте Наталии четыре дня. Опять не было погоды. Вокруг волновались. У многих пастухов летом гостили дети. Их надо отправлять в школы. А вертолет и для них, и для нас не было. И когда, наконец, прилетели за нами, и ребята радостно побежали за вещами, Владимир Павлович подошел к вертолету без чемодана.

— Отвезите сначала детей, — сказал он.

— Но ведь мы за вами. Опять может не быть погоды. Идет циклон.

— Сначала — детей, — отрезал Андрянов, — и отшел.

Погоды не было. Наш вывоз из бухты Наталии пограничный корабль.

На берегу стояли пастухи, махали нам руками.

— На следующее лето надо театру побывать здесь. Все-таки инсценировка — это не то. Надо полные спектакли давать... задумчиво говорил Андрянов и глядел на тающий берег...

но подошел. И проговорил глухо что-то насчет того, что четыре эшелона уже подано.

— Ну вот и отлично! — блеснули, одарив меня радостью, глаза и тут же, посуровев, обратились на троцкиста.

Андрянов вытер огромным клетчатый платком взмокнувший лоб, облегченно улыбнулся, хитровато и обидливо глянул на меня.

— Не бойтесь. И надо говорить громче, а то в зале не услышат...

На каждой репетиции говорит он мне это.

Но я не актер. И стыдно мне даже с одной репликой играть рядом с Андряновым. Но что поделашь, не брать же было человека, еще одного, ради этих нескольких слов...

В клубе собрался весь поселок, и после выступления агитбригады во все концы села долго, за тихая, катилась шумная волна...

Спать не хотелось, чувство голода тоже притупилось. И мы — Андрянов, Гусев и я — пошли погулять по темным улочкам северного села...

Василий Дмитриевич говорит и говорит без умолку, рассказывает о старом театре, вспоминает старых актеров, которых они с Андряновым знали. Гусев в прошлом тоже артист театра. Он, по его словам, вырос на подмостках. Играл начал еще до войны. Воевал. Вернулся в театр с орденом Ленина на груди. И на афишах писали: артист-орденоносец. И это звучало!

Но играл Гусев далеко не главные роли. И нашел, видимо, силы честно взглянуть на себя и расстаться с театром. И вот эта поездка — как возвращение в молодость.

Гусев с Андряновым вспоминали первые дни театра, то накаленные, голубенькое строение. Сейчас театр у нас каменный, огромный. Называли имена, которых нынешний зритель уже не знает. Оказывается, театр камчатский начался... с пожара.

В 1933 году на пароходе, который шел из Владивостока на Сахалин, была группа актеров. Где-то в Японском море на пароходе начался пожар. Сгорели костюмы и реквизит. Беспомощное судно пришедший на помощь пароход отбуксировал во Владивосток. И здесь-то погорелых артистов пригласили на наш полуостров.

Делать было нечего. Парохода на Сахалин не предвиделось в ближайшие месяцы, и труппа поплыла на Камчатку. Но если первый пожар создал театр, то второй — его уничтожил.

Через два года, когда труппа гастролировала по Камчатке, сгорело здание театра. Артисты остались без работы и уехали. Остался один Андрянов, ему, выпускнику ГИТИСа, молодому коммунисту, поручили организацию театра рабочей молодежи, ведь

меня. На улице ветер, мороз, а марте дело было.

— Дуришь, кричу, — вы в огонь лезите. Пожар тушите. А они «шпиона» поливают. Ну, тут кто-то внес ясность: он, говорит, из театра убежал. Я его там на сцене видел. Отпустили. Пригнул в огонь. Ящик вытащил. А вот знаменитая у меня медвежья шкура была. Сгорела. Эх, как она меня грела, помню. Придешь из театра ночью. Печку топить не хочется. Завернулся в нее — и по-рядок.

Мы сидим на крыльце школы, я гляжу на Андрянова, вижу в темноте широкое опущенное плечо, безвольно кинутые на колени руки. Устал он сегодня — все-таки нагрузка порядочная. Вот молодые уже спят давно, ушлились с невыспавшихся.

Я думаю о тяжелом труде и великом счастье, выпавшем на долю старого актера, который уже после пятидесяти лет сыграл одну из сложнейших ролей — роль Ленина.

Образ Ленина, над ним вот уже больше десяти лет работает актер, не мог не оказать воздействия и на личность Андрянова. В конце концов, тяжелая поездка на север — тоже свидетельство этого. Люди увидят на сцене Ленина, услышат иди, которыми жил Ленин и живет сегодня страна.

Андрянов с 1935 года на Камчатке. И за это время им сыграно множество ролей. Его у нас называют человеком ста судеб.

Я пролистал подшивки местных газет и убедился, что в отношении Андрянова сложился уже какой-то штамп. Я выписал абзацы рецензий тридцатых, сороковых, пятидесятых годов.

«Как всегда поразовал зрителей заслуженный артист РСФСР В. П. Андрянов, создавший колоритный образ старого рыбака, председателя колхоза Татарникова...».

«Большой удачей спектакля является городничий, получивший в лице заслуженного артиста РСФСР В. П. Андрянова прекрасного исполнителя».

«Блестяще и в прямом смысле слова спасает спектакль талантливое исполнение заслуженным артистом РСФСР В. Андряновым роли председателя колхоза».

«Новой удачей порадовал зрителей Народный артист РСФСР В. Андрянов. С мастерством и большой любовью выплелен им образ французского крестьянина Борниша...».

Были роли, добротой сыгранные, тепло принятые публикой. Много ролей, самых разноплановых, но не было той, единственной, большей, как любовь, которая движет твоим сердцем и мыслями. И вот такая роль пришла. Вначале он никому, даже ближайшим друзьям, не говорил об этом. Но мысль пришла. И началась работа. Андрянов понимал, какую ответственность взва-

Владимира Ильича, он не видел. А сплетать в Москву, оглядеть, поговорить с режиссерами, с артистами, игравшими Ленина, тоже не было возможности. Все это пришлось после. Были лишь воспоминания соратников Ленина и ленинские труды и за скучными строчками очевидцев надо было увидеть Ленина, надо было понять Ленина, изучая его работы и ту обстановку, в которой он жил...

Например, Андрянов считал, что у Ленина баритон, а не тенор, «добавок» — чуть хриловатый. Но режиссер настаивал, что у Ленина — свежий, звонкий тенор.

Или вот в сцене в крестьянской избе режиссер не рисковал выпустить Андрянова в сапогах и куртке. Как-то непривычно было увидеть Ленина в охотничьем наряде. И Андрянов, внутренне протестуя, появлялся в ботинках и пальто. Ну, что это за охотник? Не может быть, чтоб Ленин так ходил на охоту...

Но зритель ничего этого не замечал. Он видел Ленина, Камчатский зритель впервые видел на сцене Владимира Ильича...

В ту ночь он не мог уснуть от огромной усталости и огромного счастья.

За «Кремлевскими курантами» последовали спектакли «Третья патетическая», «Человек выше своей судьбы», «Между ливнями», «Выюга».

Несмотря на многолетнее знакомство, я только в этой командировке, в эти две недели путешествия по корякской тундре увидел его — по-настоящему и узнал.

Работа над ролью Ленина, углубленное изучение Ленина не прошли для Андрянова бесследно.

Как-то мы заговорили об этом. Он задумался.

— А действительно. Попадаешь под магическое обаяние Ленина. Так бывает всегда, когда сталкиваешься с сильной личностью. И не потому, что хочешь подражать. Нет. Под влиянием Ленина я начинал задумываться над вещами, мимо которых прежде проходил бы не задумываясь. Замечал я, что и к жизни начал относиться по-иному. Ленин не терпел в окружающих созерцательства, потому что сам был борцом, а не созерцателем.

И вот как-то заметил я в себе, что мне не все равно, предложим, есть ли клуб у молодых строителей, которые выбрали меня депутатом, или нет клуба. Открыли ли вовремя после ремонта дтсда или не открыли? И я начинал требовать как депутат. Конечно, примеры — маленькие. Но может быть, вот с этого актуального действия для общества и начинается то, к чему звал людей Ленин?

И вот в связи с этим, как бы поточнее выразить свою мысль... Ну, понимаешь, мне не только, в конечном итоге, хочется хорошо